

Галина Шляхова

Сын своего века

Галина Шляхова
Сын своего века

«Издательские решения»

2015

Шляхова Г.

Сын своего века / Г. Шляхова — «Издательские решения», 2015

Московская студентка Жанна страстно увлечена историей Франции и считает короля Генриха IV образцом идеального правителя, человека с большой буквы и настоящего мужчины. Секретно разработанная знакомым профессором машина времени помогает ей осуществить мечту и познакомиться вживую с её кумиром. Фантастическое путешествие в далёкое прошлое могло бы остаться лишь приключенческим воспоминанием, если бы по возвращении домой его последствия не начали влиять на судьбы современников...

© Шляхова Г., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сын своего века
историко-фантастический роман
Галина Шляхова

© Галина Шляхова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Вчера прошли похороны профессора Иосифа Бродячего.

Джон бегло перечитал вырезанный из газеты некролог. «На 72-ом году жизни скончался выдающийся учёный, действительный член РАН, Доктор физико-математических наук И. Н. Бродячий известными своими трудами в области квантовой механики и авторским курсом лекций, с которыми он неоднократно выступал перед студентами и аспирантами ведущих университетов Москвы».

Пропустив ряд патетических соболезнований со стороны редколлегии, он перескочил на заключительные строки: «Церемония прощания и гражданская панихида состоится 12 марта в 10:00 во дворе Академии наук».

Джон отложил газетную вырезку, закрыл глаза и, заломив руки за голову, вытянулся на диване. Завтра утренним поездом Жанна должна вернуться домой.

На момент получения от Эдуарда и Дианы телеграммы о смерти профессора Бродячего они уже были в курсе случившегося из газеты, и Джон уже принял решение не ехать. Жанна колебалась, и телеграмма определила её выбор.

Он не был уверен, правильно ли поступил, оставшись дома. Наверно, человек, сыгравший в их судьбе столь значимую роль, заслуживал последнего прощания. Но у Джона не было сил возвращаться в город, из которого он сбежал пятнадцать лет назад, и терзать душу воспоминаниями, которые неизбежно воскресли бы при погружении в давно покинутую обстановку. Совладать с противоречивыми чувствами в адрес покойного он, пожалуй, сумел бы, но гораздо больше его тревожила мысль о встрече с живыми, с теми, кого он по-прежнему не желал видеть, сколько бы воды ни утекло, и с кем ему волей-неволей пришлось бы столкнуться на похоронах.

У Жанны телеграмма вызвала приятное удивление. Он же сомневался, как следовало расценивать такой жест. Что имели в виду эти люди, осмелившись обращаться к ним спустя столько времени? Означало ли их послание, что смерть общего знакомого воспринята ими как нечто вне обид, нечто требующее от каждого поступить в соответствии с долгом совести? Или же они вздумали неуклюже использовать повод, чтоб протянуть ранее связывавшую их оборванную нить? Или, не вдаваясь в размышления о том, уместно ли объявляться под каким угодно предлогом в жизни бывших друзей, они просто сочли нужным поставить их в известность о событии?

Джон с нетерпением ожидал возвращения жены, чтоб утолить с недавнее его любопытство. Где она остановилась, как её приняли, как вели себя при её появлении родственники покойника, выпал ли им случай поговорить на недосказанные темы... Действительно ли у этой женщины, с которой он прожил в браке столько лет, так и не научившись её до конца понимать, хватило великодушия простить предавших её...

К тому же Джон испытывал тягостное чувство оттого, что на дни Жанниного отъезда остался вдвоём с сыном. Их отношения неверно было бы охарактеризовать как натянутые: они никогда не ссорились и не имели причин для недовольства друг другом. Но преодолеть взаимную отчуждённость и скованность у обоих не получалось. Джон задавался вопросом, винить ли себя в том, что всю неделю мальчик приходил домой только ночевать. Совпало ли это с отсутствием матери по случайности или же сын сознательно избегал находиться с ним наедине. Пытаясь быть откровенным с собой, Джон пришёл к выводу, что подозрение второго пробуждало в нём смесь огорчения с облегчением: ведь если бы юноша пожелал коротать с ним время, он понятия не имел, как и о чём с ним говорить.

Сын Джона и Жанны в эти мартовские дни каждую свободную минуту проводил в обсерватории при институте. Ещё на первом курсе он добился назначения на пост председателя научного студенческого общества, специально чтоб получить неограниченный доступ к лабораторным помещениям и спокойно посвящать себя своему астрономическому хобби. После пар запираясь в оборудованной приборами ночного наблюдения комнате, он мог часами сидеть в опустевшем институте, вовсе не торопясь возвращаться домой.

Каждый день его девушка Рита, как только освобождалась с уроков, приходила его проведать. Гибкой походкой подкрадывалась к нему, стоявшему у окна спиной ко входу, дарила краткий поцелуй, сзади обвив руками его шею. Затем искала глазами, куда ей присесть, и почти каждый раз обнаруживала на одной из парт свои любимые конфеты в сиреневой коробке в форме морской звезды. Парень покупал их для неё по утрам по дороге в обсерваторию. С довольным возгласом она тут же вскрывала коробку и всегда начинала с конфеты, лежащей ровно посреди – в сердцевине, из которой расходились пять лучей. Ему поднимало настроение краем глаза следить за ней, пока она, будто мурлыкающая от радости кошка, наслаждалась лакомством.

Один из студентов, тоже претендовавший возглавить научное общество, как-то попытался пожаловаться руководству института, что нынешний председатель злоупотребляет своими привилегиями, используя университетские помещения для свиданий с девушкой. Но ректор рассудил не в пользу доносчика: «В наши дни энтузиазм и неподдельный интерес к науке большая редкость, и я не вижу никого другого, кто взялся бы с подобной энергией координировать деятельность общества. Мне внушает доверие и уважение страсть Гены к астрономии, даже если она соседствует в его сердце со страстью к Рите».

На самом деле полное имя юноши было не Геннадий, а Генрих, но он предпочитал не акцентировать на этом внимание окружающих и обычно представлялся усечённой формой. Рита, когда ей стало известно, что у её парня французские корни по мужской линии и отец, следуя давней семейной традиции, назвал его на иностранный манер, удивилась, почему он избегал упоминать о своём происхождении.

– Понимаешь, Jonathan, Henri – это звучит красиво, но когда имена в любом случае адаптированы под российский паспорт и произносятся в быту как Джон или Генрих, они утрачивают всякий шарм, зато от них веет неуместным заграничным пафосом. Да и потом, я ведь почти ничего не унаследовал от своей исторической родины и даже язык её учу крайне неохотно, только ради того, чтоб не обижать отца.

В отличие от Джона, который, хотя и жил в России с младенчества, знал язык своих предков в совершенстве, его сын действительно весьма плохо говорил по-французски. В этом смысле он составлял в своей семье исключение: по материнской линии в его роду преобладали коренные москвичи, однако Жанна была знатоком франкофонной культуры и лингвистики. Она и со своим мужем познакомилась на факультете регионоведения, где оба получали образование. Но от ребёнка они не требовали ступать по их стопам, и лояльно предоставили ему самому выбирать себе увлечения. Пользуясь этим правом, он забросил гуманитарные дисциплины, отдав предпочтение астрономии, и интегрировался в русскоязычную среду, деликатно предоставив называть себя Геной во избежание лишних расспросов.

Впрочем, Рите было не важно, под каким именем её любимый числился в документах, сама она величала его Принцем. Он не интересовался почему, да она и не смогла бы внятно объяснить: просто сразу после знакомства ей показалось, что эта кличка идеально подходила ему, и она машинально начала обращаться к нему так. Ему же это чудачество определённо нравилось.

– Родители не сердятся, что ты последнюю неделю сутками пропадаешь здесь?

Рита присела на край стола и принялась вертеть в руках толстую тетрадь, исписанную закорючками загадочных для неё формул.

– Я же не по подворотням слоняюсь, а занят наукой, это уважительный и благородный предлог, даже если порой я прикрываюсь им, чтоб подольше побыть с тобой, – весело отозвался на её вопрос Генрих.

– Безусловно, но ты всё же почти не бываешь дома...

– Мама на несколько дней уехала в столицу на похороны какого-то своего старого друга. А с отцом, ты же знаешь, мы в любом случае мало общаемся.

Когда Принц представил её своим родственникам, Рита с изумлением отметила, что папа и сын называли друг друга на «Вы». Генрих сослался на отголоски французских порядков. И хотя девушка никогда не слышала, чтоб у французов было принято поддерживать официальный тон внутри семьи, перечить она не стала. А сам Принц, привыкнув к такому формату общения, уже и не помнил, какие неудобства это доставляло ему в детстве. Видя, что между собой родители говорили друг другу «ты», да и к нему мать обращалась так же, ребёнок постоянно путался, как следовало отвечать отцу. Никто не ругал его, когда он сбивался и звал Джона по-разному. Но сам мальчик ощущал неестественность в обоих случаях: ему одинаково неверным казалось и употреблять «вы» в кругу ближайших родственников, и адресовать «ты» взрослому, который к нему, дошкольнику, обращался с формальной почтительностью. Только к восьми годам он наконец приучил себя подыгрывать отцу в выбранном тем этикете.

За весь разговор Генрих ни разу не обернулся, всецело поглощённый своими наблюдениями. Рита привыкла, что оторвать любимого от телескопа стоило немалых трудов. Когда он впервые пригласил её в обсерваторию, она подумала, что более романтической обстановки свидания трудно себе представить: что может быть чудесней, чем наедине со своей второй половинкой любоваться куполом вечернего неба. Но вскоре ей предстояло убедиться, что Принц полон сюрпризов. Подзорная труба, оптические приборы и талмуды с описанием активности планет и светил интересовали его больше, чем живая красивая девушка. Впрочем, проницательная и снисходительная к его чудачествам, Рита не обижалась на такое пренебрежение. Она быстро оценила, насколько важное доверие оказывает он ей, допуская присутствовать при его занятиях и часами излагая перед ней свои научные гипотезы.

Она не ревновала его к звёздам – пожалуй, они оба любили их одинаково сильно, хотя и совершенно разной любовью. Астрономия и астрология – два угла зрения на один и тот же предмет. Однажды, обсуждая эпизод из «Маленького принца», они сошлись во мнении, что им, как и главному герою, претит подход дельца, который пересчитывал звёзды, возомнив их своим владением.¹ Но прийти к согласию, как же, в противовес книжному персонажу, людям следует относиться к космосу, им так и не удалось. Он не воспринимал всерьёз её попытки связывать Вселенную с человеческими судьбами и характерами, а она считала однобоким и узким его подход небесным телам как к объекту для изучения.

Рита спросила, что Принц так внимательно рассматривает на этот раз.

– HD 148427, в созвездии Змееносца. Превосходит наше Солнце в три раза по размеру, в полтора раза по весу и в шесть раз по яркости.

Девушка спрыгнула с парты и подошла к нему. Принц на время уступил ей место у телескопа.

– Как оказалось, ты зря упрекала меня, что в моём интересе к небесной сфере нет души, – с улыбкой отметил Генрих, – у меня всё-таки возникли свои любимцы среди звёзд. Эта мне очень нравится и часто притягивает моё внимание, хотя с научной точки зрения ничего особо занятного в ней не обнаруживается.

– Змееносец – самое загадочное созвездие, вызывающее нескончаемые споры астрологов. Не все считают правомерными основания провозгласить его тринадцатым Знаком Зодиака, но даже среди тех, кто причисляет его к зодиакальному кругу, нет единогласия относи-

¹ Персонаж из 13-ой главы произведения Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

тельно дат, которые он охватывает. Кстати, по одной из версий, твой День Рождения как раз попадает в фазу влияния Змееносца. Так что, возможно, эта звезда привлекает тебя неспроста, не исключено, что она твой покровитель.

– Конечно, ей же нечем больше заняться, кроме как покровительствовать девятнадцатилетнему парню на расстоянии ста девяноста трёх световых лет от неё. Её возраст достиг примерно двух с половиной миллиардов, и всё это время она ждала меня, а когда я наконец-то родился, поняла, что ждала не зря, и радостно начала выполнять свою миссию по покровительству мне.

Генрих произнёс эту тираду с сосредоточенным, крайне серьёзным выражением лица, что лишь чётче подчеркнуло вкладываемый им в слова сарказм. Рита достаточно успела изучить его, чтоб безошибочно определять настроение Принца по тембру голоса.

Они познакомились около трёх лет назад на соревновании по фехтованию. Рита пришла поддержать своего двоюродного брата, но когда тот вышел на ринг, неожиданно поймала себя на мысли, что болеет за его соперника. А Генрих из обширной публики на трибунах, среди которой были и его друзья, почему-то сразу выделил её глаза. Зелёные, как у его матери. Не оборачиваясь, он чувствовал на протяжении всего поединка, что она смотрит на него, и черпал силы в её присутствии. Редкий пример любви с первого взгляда. Второй же взгляд, уже не сквозь сетчатую маску, стал решающим. Разговорившись после турнира в вестибюле Дворца спорта, больше они уже с тех пор не расставались. И пока даже ни разу всерьёз не ругались. Хотя спорили постоянно.

– Принц, почему ты упорно отрицаешь причастность человека к происходящему в космосе! Луна и прочие небесные тела влияют на приливы и отливы, на климат. Если даже неживая природа зависит от них, как, по-твоему, люди с их сложной душевной организацией могут избежать этого воздействия? К тому же я приводила тебе множество примеров, подтверждающих справедливость гороскопов в поисках ключа к человеческой психологии.

– Рита, твои примеры – ничего не доказывающие совпадения. Тебе не хуже меня известно, как нередко толкование характеров и судеб при помощи планет и звёзд оказывается ошибочным. Вспомни, ты сама при первой встрече усмотрела во мне некие неопровержимые признаки Тельца, а я, однако, родился 13 декабря. Отчего же тогда тебе не удалось признать во мне типичного Стрельца? Ах да, наверно, потому что по уточнённым данным я Змееносец. А ещё ты линию жизни у меня не обнаружила, а я назвал её отсутствием живу.

Рита примолкла. Принц действительно нередко повергал её в замешательство, ставя под сомнение то, что представлялось ей неоспоримым.

Ещё в школе они с одноклассницами однажды решили попробовать угадывать зодиакальный знак человека, не спрашивая дату рождения. В отличие от остальных девочек Рита попадала в точку всегда без погрешностей. Удивив подруг и удивившись сама, она ради развлечения взяла в привычку проверять свой внезапно открытый навык на каждом новом знакомом, и за последние семь лет интуиция ни разу её не обманула. Система не сработала только с Принцем: традиционно полагаясь на предчувствие, совершенно однозначно указывавшее, что перед ней Телец, она в первый момент даже верить на слово отказалась, что он рождён в декабре, попросив показать документы.

Ещё большее изумление подстерегало её несколькими неделями позже, когда она в шутку предложила ему погадать на руке. Рита не считала себя знатоком хиромантии, но интересовалась ей, как и всеми областями знаний, позволяющими пролить свет на загадки человеческого бытия. И если она не рискнула бы интерпретировать каждый нюанс в хитросплетениях ладони, то уж по крайней мере точно была в состоянии опознать линию жизни, присутствующую у каждого человека. У каждого, кроме, конечно же, Принца, рука которого не подразумевала даже намёка на неё. Пытаясь найти объяснение этой странности, она расспрашивала

его, не делали ли ему операций, затрагивающих кожу ладоней. Он со смехом заверял её, что нет, потешаясь над её растерянностью.

Из всех людей, с недоверием относившихся к оккультизму, Рите важнее всего было повлиять на мнение Принца. Но как назло именно его одного ей и не удавалось переспорить. Неопровержимые доводы, которыми она ставила в тупик даже самых циничных материалистов, перед ним разбивались вдребезги. И где-то в глубине её души жила убеждённая уверенность, что дело не в ошибочности её суждений, а в каких-то ускользавших от неё деталях его биографии, которые бы объяснили все несоответствия. Пока же в её голове многое не сходилось, и она озадаченно отступала в каждой из их полемик.

Никогда не сдаваясь окончательно, девушка после нескольких минутной паузы возобновила разговор:

– Быть может, несколько веков назад пара влюблённых тоже смотрела на эту самую звезду. Правда, без телескопа. Но она ведь различима и невооружённым глазом. Они не знали ни порядкового номера, присвоенного ей астрономами значительно позже, ни её характеристик, в которых так хорошо разбираешься ты. Они просто любовались ей и считали её символом своей любви. Верили, что она станет их счастливой звездой, которая выведет их из тупика и уберёжет от горестей. А когда им приходилось разлучаться, каждый из них вечером находил её глазами на небосводе, и расстояние переставало существовать – ведь их взгляды встречались. Вокруг себя они видели совершенно разные города, разные пейзажи, разных людей. Единственное, что совпадало – это крохотная золотистая точка, её они видели оба. И чтоб мысленно преодолеть несколько земных километров между ними, кратчайший путь друг к другу для них лежал через звезду за сотни световых лет.

Оторвавшись наконец от телескопа, Генрих обнял Риту и рассмеялся, уткнувшись носом в её струящиеся по плечам каштановые волосы.

– Однозначно, всё так и было. Если даже в наше время находятся ещё девушки, верящие в покровительство небесных тел, в тёмном Средневековье таких людей тем более встречалось полным-полно. Только звёздам нет дела ни до смены поколений на Земле, ни до надежд, которые часть из нас на них возлагает. Они безразлично излучают своё мерцание, пока не наступает срок превратиться в чёрных карликов. И оранжевый субгигант HD 148427 не исключение.

Его забавляли их разногласия. Она горячилась, периодически выходила из себя, замечая, что он дразнит её, не принимая всерьёз приводимые ей аргументы. Ему же было не так важно, говорит ли она что-то, с чем он согласен или против чего мог бы многое возразить. Главное просто слушать ноты её голоса.

Её присутствие никогда не утомляло, никогда не надоедало ему. Генриху нравилось в ней без преувеличения всё. Он восхищался вкусом, с которым она подбирала себе одежду и эффектные аксессуары. Любовался изгибами её изящной фигуры и плавностью движений в каждом обыденном жесте. Обожал быстро меняющуюся, отчасти детскую мимику её лица с заострённым носиком.

Глазами она напоминала ему мать. Точно пара хамелеонов, они то казались совсем прозрачными и, подобно морской глади, отражали лучики света, то вдруг делались тёмными и непроницаемыми, принимая оттенок изумруда. Когда Рита глубоко задумывалась о чём-то, она, как и Жанна, продолжала смотреть прямо на собеседника, но взгляд её внезапно становился обращён внутрь себя. Как будто перед лицом вырастала стеклянная стена-невидимка, отгораживавшая её от внешнего мира.

Три года отношений – внушительный срок, и знакомые всё чаще одолевали его вопросами, не собираются ли они пожениться. Он отвечал размыто и уклончиво. Не потому, что сомневался в своих чувствах к Рите и не был уверен, готов ли прожить с ней до конца своих дней. Просто его «до конца дней» пока виделось Генриху сквозь туман. Он не мог определить, присутствовала ли девушка в его планах на будущее за неимением самих планов. Форсировать

события он не видел смысла: в девятнадцатилетнем возрасте позволительно ловить моменты настоящего, не торопясь расставить точки в своей судьбе.

Кое-кто из друзей намекал ему, что их чувства со стороны похожи скорее на привычку, нежели на настоящую любовь. Слишком уж всё шло гладко, ровно, до приторности идеально. Генрих пропускал мимо ушей подобные комментарии, угадывая в них отзвук зависти, но на всякий случай спрашивал себя, действительно ли ему не хватало контрастных эмоций, накала страстей, бурных интриг – всего стандартного набора, непременно сопровождающего великую любовь в произведениях мировой культуры. С позиции своего опыта он не брался судить, должны ли страдания являться неотъемлемым атрибутом отношений. Их общение изначально развивалось легко: не было соперниц и соперников, пускавшихся на клевету и коварство, не было непримиримых родителей, бунтовавших против их союза, не было неумолимых обстоятельств, обрекавших их на долгую разлуку. Сами они со своей стороны тоже не удосужились изобрести себе препятствий: ни один из них не копался в себе, чтоб в ходе самоанализа выудить со дна души мотив для дисгармонии и внутреннего конфликта. Оба были слишком рассудительными, чтоб обижаться на мелочи, и слишком внимательными друг к другу, чтоб дать весомый повод для обид. Ничто не мешало их счастью вместе. Может, со стороны это и смотрелось подозрительно или скучно. Может, их банально простая история, в которой она ласково звала его Принцем, а он дарил ей коробки конфет в форме морской звезды, ни одного романтика не вдохновила бы на создание поэмы или песни. Зато Генрих твёрдо знал одно: с Ритой ему было хорошо.

После погребения Жанна, на протяжении всей церемонии ловившая на себе чуткий взгляд Дианы, приблизилась к ней. Слова застредали в горле непроходимым комком, сквозь который прорывалось осознание необходимости вымолвить хоть что-то. К её величайшему облегчению невестка покойного начала разговор сама.

Раньше они были лучшими подругами. Пожалуй, если бы тем памятным мартом Жанну спросили, кого она считала самым близким своим человеком, она, не задумываясь, отдала бы это место Диане, минуя родителей и брата.

– Вы тогда все отвернулись от него. Ты – потому что в твоём понимании он предал самое святое. Феликс и Джон – потому что обожали тебя и поддержали бы любое твое мнение. Но пойми, святыня для каждого своя. Его святыня подверглась риску из-за твоей прихоти. В тот момент он рассуждал именно так. И даже если бы мне довелось смотреть со стороны, я никогда не назвала бы ни трусостью, ни подлостью поступок мужчины, искавшего способ отвести опасность от женщины, с которой он мечтал создать семью. Тем более я не вправе испытывать иного чувства, кроме благодарности, являясь той самой женщиной. Вы обвинили нас. Но было ли бы более благородно на его месте отказаться от попытки защитить меня, а на моём – осудить его за преданность мне и принять твою сторону? Тебе ли не знать, что такое верность любимому вопреки всем испытаниям.

– Я всё понимаю, Диана, – глухо ответила бывшая подруга. – У вас с ним получилось быть счастливыми?

Женщина взволнованно кивнула.

– У нас родилась дочка. Мы назвали её в твою честь... А как вы с Джоном? И как... он?

– Хорошо. Мы живём мирно и спокойно, как любая нормальная семья. Джон здоров. Он тоже в порядке. В позапрошлом году закончил школу.

Диана вздохнула и прикрыла веки. Обе понимали, что говорить теперь стало не о чем. Их краткий диалог, подтвердивший ничтожность и утраченную актуальность прежних обид, в действительности являлся простой формальностью – и без обмена этими несколькими фра-

зами было очевидно, что за минувшие годы они давно уже простили друг друга. Но после совершённого два десятилетия назад разрыва не абсурдна ли даже попытка наладить отношения. Две жизни, прожитые порознь, не нуждаются в объединении ради призрачного воспоминания о некогда подававшей великие надежды дружбе.

Возвращаясь к гостинице, в метро Жанна достала конверт с двумя фотокарточками. Обычно она хранила его дома в комод, вместе с документами и драгоценностями. Но, отправляясь в поездку, не нашла в себе силы расстаться с ним на несколько дней. Ей нравилось часто пересматривать эти старые снимки, хотя она изучила в них каждую чёрточку и могла до мельчайшей детали воспроизвести их в своём воображении.

На одном из них была запечатлена их компания. очевидцы и участники сначала сплотившихся, а потом разлучивших их событий. Они стояли плечом к плечу, все впятером. На фоне дома в старинном архитектурном стиле, в причудливых костюмах они напоминали бродячих артистов маскарадного шоу. Хотя настроение тогда у всех было отнюдь не карнавальное. По краям – два высоких парня. Атлетического телосложения Джон с растрёпанными золотистыми вихрами и худощавый брюнет Эдуард, слегка ссутулившийся и смотрящий в кадр исподлобья. В центре девушки. Она – совсем ещё юная, хрупкая, бледная настолько, что кожа на лице кажется чуть ли не прозрачной. Рядом с ней Диана, одной рукой обнимающая её за талию, другой опирающаяся на плечо своего кавалера Эдика. Впервые увидев её спустя ровно двадцать лет, Жанна отметила, что та вовсе не изменилась: такая же эффектная, по-спортивному стройная, смуглая. Разве только в тёмно-карих глазах исчез дерзкий блеск, так заметный на этой фотографии. Предпоследний день их дружбы. Феликс, Жаннин брат, тогда ещё десятилетний мальчик, присел на корточки спереди. Широкая улыбка на его веснушчатом лице выдавала присущую только детям беспечность.

Жанна положила снимок обратно в конверт и убрала его в сумку. Она не настроена была в суматохе и спешке метрополитена даже мельком смотреть на вторую фотографию – ту, на которой она изображена вдвоём с Ним. Их единственный совместный кадр. Впрочем, едва допустив тень сожаления, она тут же поймала себя на мысли, что в их случае иметь целую одну фотографию вместе – это и так поразительная роскошь.

Глава 2

– Мама, ты приехала?

Вешая в прихожей куртку, помимо Жанниных полусапожек, возвестивших ему о её возвращении, Генрих заметил лишнюю пару мужской обуви, не принадлежавшей ни ему, ни его отцу.

Накануне, засидевшись в обсерватории до такого часа, что вероятность успеть на последний трамвай приравнялась к нулю, они пешком пошли переночевать к Рите, жившей совсем близко от института. Было около полудня, когда он вернулся домой.

– Да, сынок, и не только я, – из кухни откликнулась на голос сына Жанна.

В дверном проёме возник высокий широкоплечий блондин, приветствуя пришедшего сияющей улыбкой.

– Дядя Феликс!

Даже не пытаясь сдерживать свой восторг, молодой человек, совсем как в детстве, бросился на шею столичному родственнику. Тот сердечно обнял племянника, увлекая его за собой в кухню, где сидели Джон с супругой.

Чертами лица Феликс был похож на Жанну, но складывалось впечатление, что природа, создавая их, сперва набросала карандашные эскизы удивительного сходства, а приступив к раскрашиванию, на облик брата нанесла насыщенные мазки масляных красок, тогда как для сестры припасла приглушённые тона акварели. При виде светловолосой, воздушной, худенькой Жанны напрашивалось сравнение с тонкой осиной, чей ствол стойко сопротивляется порывам ветра, а листья вот-вот облетят, позволив сквозь редкие веточки просачиваться кусочкам неба.

Феликс же в противоположность ей с первого взгляда запомнился яркой внешностью. Выющиеся русые волосы на свету отливали золотом; веснушки, едва различимые на прозрачно-бледноватых щеках Жанны, ему придавали особый колорит. Мускулистая осанистая фигура делала его заметным издали. Но самой примечательной чертой этого человека, безусловно, была его улыбка. Широкая, дружелюбная, открытая. Она почти перманентно присутствовала на его лице, подкупая искренностью каждого встречного. Феликс с первого взгляда располагал к доверию. Люди, которым хоть раз доводилось с ним пообщаться, ручались, что в жизни не сталкивались ни с кем более простодушным, даже, пожалуй, ребячески наивным. Лишь те, кто очень близко знал его, подмечали в уголках шурившихся при смехе глаз затаившиеся игривые искорки.

Генрих души не чаял в своём дяде и, хотя не видел его довольно давно, берёт в сердце привязанность к этому доброму, весёлому мужчине, охотно игравшему с ним в детстве. Както приехав с мамой к нему в гости в Москву, он, листая его альбом с фотографиями, особенно запомнил карточку, где маленький Феликс в холщовой рубашонке держал на руках белого козлёнка. Глаза мальчика светились радостью, а зверёк, которого он крепко прижимал к себе, дружелюбно упирался передним копытцем ему в грудь. На том же развороте альбома размещалось другое фото, очевидно, той же даты, судя по одежде ребёнка. Второй снимок изображал Феликса в окружении четверых взрослых, среди которых Генрих узнал и своих родителей, ещё совсем молоденьких. Вся компания была одета весьма экстравагантно и допотопно. Дядя пояснил ему тогда, что кадры эти сделаны на историческом мероприятии, проводившемся в институте, где учились Джон с Жанной и их друзья. Генрих же отметил для себя, что, хотя Феликс и превратился с тех пор из мальчика в мужчину, солидности в нём не прибавилось и в выражении лица читалась, как и на обеих фотографиях, детская непосредственность.

– Как здорово, что ты догадался приехать вместе с мамой, – не унимался студент, усаживаясь за кухонный стол рядом с дядей.

– Очень уж потянуло проведать моих дорогих племянника и зятя. Вот и вырвался на три денька из столичной сутолоки. Предположил, что и вы могли успеть по мне соскучиться.

– Ещё как! – заверил Генрих.

– Твои родители мне выложили, что ты не на шутку увлекаешься астрономией и тебя не вытащить из обсерватории. Возьмёшь меня с собой посмотреть на звёзды как на ладони? – попросился Феликс.

– С удовольствием, прямо после обеда можем пойти. Сегодня суббота, уроков у меня нет, а в обсерваторию нам вход будет открыт в любое время, у меня свой комплект ключей.

– Как удобно, собственные ключи открывают массу перспектив для нецелевого использования помещений, – многозначительно подмигнул Феликс, заставив племянника покраснеть.

– Если тебе повезёт, – с мягкой улыбкой обратился к брату жены Джон, – помимо красот звёздного неба ты засвидетельствуешь там своё почтение и образцу земной красоты по имени Маргарита.

– Хоть астрономия и входит в плеяду точных наук, сдаётся мне, практикующие её, несмотря на всякие ваши схемы и подсчёты, не так уж сухи и прагматичны. Звёзды, как ни крути, располагают к романтике, лирике, философии... – резонёрствовал Феликс, отходя от подзорной трубы. – Ты за собой не замечал пока таких склонностей?

– Пожалуй, слегка. Космос побуждает меня думать о вечности, и порой мою голову посещают специфические мысли. Например, мне странно, почему для измерения расстояния используются световые годы, месяцы, недели – словом, наименования, подходящие скорее единицам времени, а не длины. Озадачивает меня и то, что отсчитываем течение дней и лет мы на основании вращения Земли. То есть время в традиционном понимании – это чисто субъективная категория нашей планеты с её оборотами вокруг своей оси и Солнца. Получается, что если бы можно было отстраниться и рассматривать Землю извне, с позиции Вселенной, легко выбрать любую точку на поверхности и любой круг её цикличного обращения, сделав возможными как телепортацию в пространстве, так и путешествия в прошлое или будущее, – Генрих запнулся. – Звучит это, скорее всего, сумбурно и незрело, у меня нет чётко оформленной схемы, пока интуитивные намётки. Но мне смутно кажется, что создать машину времени, которая упоминается только в художественных книгах, на самом деле не так уж сложно.

С одной стороны, Генрих стеснялся говорить о своих теориях, понимая, что ещё не достаточно выносил и развил их, чтоб они могли претендовать на серьёзный предмет обсуждения. С другой же стороны, его неукоснительно тянуло возвращаться к беспокоившей его теме изобретения фантастической машины, вокруг которой не первый год вертелись его идеи.

– Однажды я уже слышал похожую концепцию, – ответил на речь студента Феликс. – Был у меня один знакомый, который мнил себя на грани открытия приспособления для путешествий во времени. Правда, он изучал не астрономию, а физику, если конкретнее, квантовую механику. Отгалкиваясь от многомировой интерпретации Вселенной, он всё разрабатывал разные версии измерения реальности и в итоге сформулировал собственную весьма оригинальную гипотезу.

– Как интересно, – оживился Генрих. – Что это за учёный? Можно ли мне как-то с ним связаться?

– Увы, ты опоздал всего на несколько дней, он умер в начале недели. Это профессор Бродячий, твоя мама как раз к нему на похороны ездила. Она ведь вплотную соприкасалась с его опытами.

– Кто, мама?! – Генрих в недоумении вытаращил глаза. – Каким образом она могла участвовать в опытах по квантовой физике, она же ни капли в этом не разбирается! Когда я ей

всего лишь из школьной программы пытался объяснить некоторые казавшиеся мне любопытными вещи, она отмахивалась от меня со словами, что её «гуманитарный мозг не восприимчив к подобной информации».

– Так и есть, – рассмеялся Феликс, узнав в передразнивании племянника интонации Жанны. – В научную подоплёку она не вникала, да это и не требовалось. Бродячий пригласил её к себе в лабораторию в качестве историка. Ведь посылать в прошлое разумно человека, который хотя бы сумеет в нём сориентироваться.

Рассказ дяди напомнил Генриху один эпизод, имевший место несколько лет назад. Он тогда ещё учился в восьмом классе и, читая какой-то параграф в учебнике, неожиданно вдохновился на дерзновенный проект путешествий во времени. Эта мысль, впоследствии так и не покидавшая его, тогда виделась ему настолько свежей и потрясающей, что он поспешил поделиться ей с матерью.

– Ты бы ещё велосипед решил изобрести, – пробормотала она, взглянув через плечо на размашистые каракули школьника.

Он тогда не получил от неё объяснения той странной фразе. Теперь же новость о её сношениях с другим разработчиком машины времени пролила свет на такую реакцию.

– А как они вообще пересеклись? Что общего у неё с учёным профессором?

– Бродячий был отцом Эдуарда, одного из их неразлучной студенческой компании.

– Той компании, которую я как-то видел у тебя на фото? Они все учились вместе?

– Не совсем. Джон приехал поступать в Москву на факультет французского языка и регионоведения, где он познакомился с твоей мамой на первой же лекции. Диана же была студенткой отделения журналистики, но они с Жанной обе занимались танцами, только первая восточными, а вторая классической хореографией, и начало их общению положила совместная подготовка к постановке общеуниверситетского мюзикла. Вскоре они сделались лучшими подругами, и Диана привела в их компанию Эдуарда, с которым на тот момент они встречались уже дольше года и собирались пожениться. Сам же он, последовав примеру отца, посещал технический институт и по учёбе со своими друзьями-гуманитариями никак не пересекался.

– Если они были так близки, почему я никогда не слышал от родителей об Эдуарде и Диане? Отчего они совсем прекратили поддерживать связь?

– Твоя мама ведь бросила университет после второго курса, забеременев тобой, и они с Джоном переехали из Москвы сюда. Сохранить крепкую дружбу на расстоянии сложно, тем более в юности, когда ещё не умеешь по-настоящему ценить людей и спешишь ловить новые впечатления. Вот общение мало-помалу и сошло на нет.

– Однако на похороны профессора мама всё же поехала, значит эти люди ей действительно были очень дороги. Так что там с его опытами, помогли ему исторические познания моих родителей в конструировании машины времени?

– У них тогда разгорелся по этому поводу ожесточённый спор. Диана настаивала, что путешествие в другой век чревато огромной опасностью, так как, случайно изменив прошлое, можно повлиять на весь ход истории и, вернувшись в своё время, не узнать обстановку и даже не найти больше собственное место в мире. Профессор же горячо отстаивал свою гипотезу, которая состояла как раз в том, что переделать прошлое нельзя, потому что все времена и пространства существуют в одной плоскости, хотя она необозрима для обывателя. Проще говоря, не только наше настоящее обусловлено прошлым, но и то, в свою очередь, формировалось с учётом событий, случившихся гораздо позднее. И если история допустила, что в XX веке некий русский гений создаст машину времени и отправит студентов в средневековую Францию, значит XVI столетие подразумевало готовность принять этих путешественников. У учёных не принято употреблять слово «судьба», но по сути неотвратимость фактов, которую подчёркивал профессор Бродячий, сводилась именно к тому, что весь многовековой путь человечества был заранее в один момент предопределён глобальным замыслом.

Твоя мама была ему нужна как раз для проверки его гипотезы. Он искал человека, который попытался бы изменить прошлое, бросить вызов истории. На такое мог решиться лишь кто-то, искренне и горячо ратующий за нечто из минувшей эпохи. Апеллируя к влюблённости твоей мамы в короля Наваррского...

– В кого? – переспросил Генрих.

– Похоже, ты не очень-то подробно интересуешься жизнью матери, – пристыдил Феликс племянника. – Не знаю, насколько многосторонние предпочтения у неё сейчас, но в юности она буквально бредила периодом религиозных войн XVI века, и главным образом это было обусловлено её восхищением личностью Генриха IV.² Вполне вероятно, кстати, что и выбор твоего имени при рождении не обошёлся без этого влияния. Так вот, играя на чувствах твоей матери к королю Наваррскому, профессор надеялся соблазнить её перспективой не только пообщаться лично с её кумиром, но и на своё усмотрение выбрать какой-нибудь известный ей неприятный эпизод из его жизни, чтоб попробовать отвести от него беду. Правда, убеждая её пуститься на такую авантюру, он тут же демотивировал беднягу, упорствуя в своей позиции, что любые её попытки заведомо обречены на провал, в чём и следовало удостовериться эмпирически.

Джон, ещё не встречавшийся тогда с твоей мамой, но уже ухаживавший за ней и не упускавший случая ей понравиться, выдвинул идею поставить целью путешествия предотвращение Варфоломеевской ночи.³ Он знал, что это кровавое событие, отравившее молодость любимого короля Жанны, для неё самой было днём траура. Используя сведения о замыслах католиков, которыми не располагали Генрих Наваррский и его соратники, выходцы из XX века, по его мнению, вполне могли бы не допустить чудовищную страницу истории.

Эдуард, не боясь в отличие от своей девушки повлиять путешествием в прошлое на современность, тревожился о другом: столкновение с религиозными фанатиками варварского Средневековья несло в себе реальные риски, а тот факт, что они родились в XX веке, вовсе не застраховывал их от смерти в XVI. Профессор не развеивал опасения сына, так как его гипотеза не исключала такой расклад. Но, видимо, согласно его приоритетам, пожертвовать во имя науки собственным ребёнком и его юными друзьями выглядело оправданным.

Твоя мама, от которой все ждали решающего слова, сказала: «Если уж отправляться туда, то в тот день, когда все кошмары будут позади. Моя нервная система не выдержит, если наши планы сорвутся и прямо на моих глазах вопреки моим стараниям всё же состоится Варфоломеевская ночь». Профессор Бродячий на это возбуждённо воскликнул: «Ну конечно она состоится! Она и состоялась в 1572 году именно потому, что в 1988-ом Жанна отказалась её предотвращать!»

– Дядя, а откуда ты в курсе таких подробностей?

– Я пробрался в лабораторию профессора и присутствовал при этом разговоре. Конечно, своего мнения у меня не было, да его никто и не спрашивал. Жанна часто меня брала с собой везде, куда бы я ни попросился, взяв предварительно обещание хорошо себя вести. Так что я проводил в их взрослой компании много времени. Ощущал себя страшно деловым и с наслаждением важничал перед своими одноклассниками, у которых не было такой чудесной старшей сестрёнки, – Феликс горделиво выпятил вперёд грудь.

– Между прочим, – дополнил он свой рассказ, нравоучительно подняв кверху указательный палец, – такое приобщение к студенческой среде было крайне продуктивно и познавательно для меня. Я даже выучил наизусть стихотворение на старофранцузском благодаря регулярному посещению мероприятий Жаннинного факультета.

² Генрих IV (1553 – 1610) – лидер французских протестантов периода религиозных войн, король Франции и Наварры, основоположник династии Бурбонов.

³ Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Гугеноты>] во Франции [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Франция>], устроенная католиками [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Католик>] в ночь на 24 августа [http://ru.wikipedia.org/wiki/24_августа] 1572 года [http://ru.wikipedia.org/wiki/1572_год].

И под аплодисменты Генриха дядя продекламировал нараспев несколько поэтических строчек.

– Чем же закончилась их дискуссия? Верифицировал в итоге профессор Бродячий свою гипотезу?

– Я был ребёнком и не следил за ходом экспериментов пожилого физика, меня занимали вещи поинтересней для десятилетнего возраста. Но очевидно, у него что-то не заладилось. Иначе его открытие стало бы прорывом века, и ты узнал бы о нём не в приватной беседе с дядюшкой, а из прессы, – и без того обычно простодушное лицо Феликса в этот момент достигло апогея своего простодушия.

– Маргарита! – воскликнул вдруг он, глядя поверх головы племянника. – Наслышан о Вас, – прибавил он, любезно целуя руку девушке, в растерянности остановившейся на пороге обсерватории.

– Не пугайся, это мой дядя, приехал из Москвы на выходные, – приободрил её Принц.

– Я так понимаю, Вы не на астронома учитесь, а на психолога? – продолжал между тем ворковать Феликс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.